

На вопросы главного редактора журнала «ЗАКОН» Яна Пискунова отвечает **академик, вице-президент Российской академии наук, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (ИЗиСП) Талия Яруллоевна ХАБРИЕВА**

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О КРИЗИСЕ В ПРАВОВОЙ НАУКЕ НЕСКОЛЬКО ПРЕУВЕЛИЧЕНО

Родилась 10 июня 1958 г. в Казани.

В 1980 г. с отличием окончила юридический факультет Казанского государственного университета (КГУ). В 1980–1996 гг. — аспирантка, затем ассистент, преподаватель, доцент кафедры государственного и международного права КГУ. В 1985 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Телеологическое толкование советского закона: понятие, содержание, роль в юридической практике» во Всесоюзном научно-исследовательском институте советского законодательства.

В 1996–1998 гг. — ведущий научный сотрудник, заведующая сектором теории конституционного права, заместитель руководителя Центра публичного права Института государства и права (ИГП) РАН.

В 1997 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика» в ИГП РАН. В этом же году стала профессором МГИМО (У) МИД России.

С 1998 г. по октябрь 2001 г. — статс-секретарь — заместитель министра по делам Федерации, национальной и миграционной политики РФ. Действительный государственный советник РФ 2-го класса.

С 2001 г. по наст. вр. — директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

С 2003 г. — приглашенный профессор Университета Париж-И Пантеон-Сорбонна (Франция).

С 2007 г. — член Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России. С 2008 г. — член-корреспондент Российской академии наук (РАН).

В 2011 г. избирается академиком РАН, а в 2013 г. — вице-президентом Академии.

В 2013 г. Указом Президента РФ назначена представителем Российской Федерации в Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии).

Автор более 160 работ и публикаций, многие из которых переведены на иностранные языки; принимает непосредственное участие в разработке федеральных конституционных и федеральных законов, руководит рядом авторских коллективов, занимающихся научными исследованиями в области права.

Член Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции, Комиссии при Президенте РФ по вопросам реформирования и развития государственной службы, Экспертного совета при Управлении Президента РФ по обеспечению конституционных прав граждан, Комиссии Правительства РФ по законопроектной деятельности, Научного совета при Совете Безопасности РФ.

Заслуженный юрист РФ. Награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, орденом Александра Невского, орденом Почета, орденом Дружбы, а также Золотой медалью им. Н.Н. Сперанского Российской академии наук.

Поклонница русской классической литературы. Любит цветы, увлекается выращиванием роз.

Замужем, двое детей.

— Талия Ярулловна, сегодня многие говорят о кризисе правовой науки. Обоснованно ли это, и если да, то каковы, на Ваш взгляд, причины такого кризиса и как его преодолеть?

— Представление о кризисе в правовой науке, как мне кажется, несколько преувеличено. Не в последнюю очередь оно основано на том, что сегодня в России, как никогда, верна поговорка «Два юриста — три мнения»: отдельные ученые и целые научные школы нередко спорят и не могут сойтись во мнении даже по принципиальным вопросам правовой теории, таким как понятие права или источников права. И это положение явно контрастирует с предыдущим советским, когда хотя и велась научная дискуссия, но была и система общепризнанных устоявшихся понятий и теорий. Нынешняя ситуация — вполне закономерное следствие наступившего методологического разнообразия.

Современная юридическая наука должна сохранять разумный баланс, преемственность в своем развитии — не отбрасывать накопленные десятилетиями достижения, многие из которых были передовыми для своего времени, а бережно их сохранять и развивать, дополняя с учетом новых научных достижений и результатов изучения реалий правотворчества и правоприменения.

В Институте, которому в прошлом году исполнилось 90 лет, мы придерживаемся именно такого подхода. Уже несколько изданий выдержала наша научная автобиография — книга «Страницы истории и научные школы Института законодательства и сравнительного правоведения»¹. У нас есть и, скажем так, кодекс юридической мысли, выдержавший семь изданий, — цикл монографий «Научные концепции развития российского законодательства»², которые периодически публикуются с начала 1990-х гг. по настоящее время. В этих работах отражена стройная и развивающаяся отечественная доктрина российского законодательства.

Так что мы уважаем и храним историю, но в то же время в Институте активно разрабатываются новые на-

правления и новые категории в юридической науке — правовой мониторинг, правовые модели, концепция риска в праве, правовое прогнозирование, проблемы правовой неопределенности, конституционализация законодательства, конфликтология, информационная безопасность, правовое регулирование международной интеграции. Мы ведем множество концептуальных исследований современных отраслей права, а также междисциплинарные изыскания, например экономико-правовые.

Такая работа проводится не только у нас, но и в других научных центрах страны, поэтому сказать, что юридическая наука сегодня испытывает дефицит серьезных исследований, нельзя.

Еще один фактор, который тоже создает впечатление кризиса, опять-таки на контрасте с советским периодом, — это колоссально возросший объем научной информации. Можно даже говорить о своеобразной инфляции текстов в правовой науке: серьезные монографии, качественные научные статьи и диссертации нередко тонут в море научной графомании.

Конечно, мы не можем прибегнуть к научной цензуре, но в научной самоцензуре, в высочайшем уровне требовательности ученого прежде всего к самому себе современная российская наука, несомненно, нуждается. Это один из способов преодоления определенных кризисных явлений в юридической науке, которые возникают вследствие, назову его так, кризиса перепроизводства. Кстати, введенная система оценки ученого по количеству цитирований и числу его работ, содержащихся в тех или иных информационных системах, также стимулирует к наращиванию объемов «производительности труда», иногда в ущерб качеству научной продукции.

— А есть ли диспропорция в обеспеченности научными кадрами по отраслям?

— Каждая отрасль современной юридической науки может похвастаться и яркими именами, и интересными работами. Я бы скорее сказала, что не хватает междисциплинарных исследований, многопрофильных специалистов, обладающих широким, энциклопедическим кругозором, способных не только действовать в рамках узкой научной специализации, но и интегриро-

¹ Под ред. Е.А. Прянишникова, Т.Я. Хабриевой, В.И. Лафитского и др. М., 2015.

² Отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2015.

вать научное знание. Однако такая нехватка сегодня характерна и для всей науки в целом, которая по мере своего развития все больше специализируется.

— Какие наиболее интересные правовые исследования последних лет в России Вы могли бы отметить?

— После относительно долгого периода преобладания на книжных полках магазинов «учебниковой» литературы (которая сама по себе, безусловно, необходима для поддержания должного уровня образовательного процесса), в последние годы стали издаваться интересные монографические исследования по различным отраслям права. Если говорить о теории права, я бы отметила вышедшие в 2013 г. монографии Г.В. Мальцева «Культурные традиции права» и судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиева «Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности)».

Из более близкой мне отрасли конституционного права я бы выделила серию трудов Председателя Конституционного Суда РФ проф. В.Д. Зорькина, например «Правовой путь России»³ и «Цивилизация права и развитие России»⁴. Результатом глубокого исследования стала монография «Институты конституционного права»⁵, подготовленная сотрудниками Института.

Хорошие отзывы получила наша институтская монография «Коррупция: природа, проявления, противодействие»⁶, выдержавшая уже два издания, в том числе в переводе на китайский и английский языки.

Что еще? Институт совместно с Верховным Судом РФ готовит второе издание монографии «Правосудие в современном мире»⁷, которая привлекла внимание зарубежных издательств (была переведена на английский язык) и юридического сообщества во многих странах мира. В этом году выходит монография «Судебная практика в современной правовой системе

России», реминисценция широко известного научного труда, вышедшего под редакцией проф. С.Н. Братуся в 1975 г.⁸

Среди работ уголовно-правового цикла можно упомянуть монографию «Гуманизация современного уголовного законодательства»⁹.

Из последних работ по международному праву я бы выделила монографии «Шанхайская организация сотрудничества: новые приоритеты развития»¹⁰ и «Субъекты современного международного права»¹¹.

Из цивилистических исследований можно порекомендовать к чтению фундаментальный трехтомный труд «Юридические лица в российском гражданском праве»¹².

Наконец, отдельного упоминания заслуживает работа Института, которая, по сути, открывала новый жанр в научной литературе. Я говорю о 7-м издании монографии «Научные концепции развития российского законодательства» (я уже ранее назвала ее «кодекс юридической мысли», помните?), в которой определяются новые направления и прогнозируются перспективные научные исследования.

За последние 5 лет Институт опубликовал более 250 монографий по разным отраслям и аспектам права (включая теорию права, публичное и частное право, сравнительное правоведение и международное право), имеющих, на мой взгляд, как научную, так и практическую значимость.

Ученые Института начали исследования по совершенствованию показателей эффективности действия законов, установлению пробелов и противоречий в правовом регулировании, выявлению линий соприкосновения нормативных правовых актов с иными, в том числе неправовыми, регуляторами. Разработаны некоторые новаторские сферы (например, правовое моделирование и диагностику правовых рисков), освоение которых позволяет придать большую обоснованность

³ М., 2014.

⁴ М., 2016.

⁵ Институты конституционного права: коллективная монография / отв. ред. Л.В. Андриченко, А.Е. Постников. М., 2012.

⁶ Отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2012.

⁷ Первое издание см.: Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М., 2012.

⁸ М., 1975.

⁹ Под общ. ред. В.П. Кашепова. М., 2015.

¹⁰ Отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2015.

¹¹ Отв. ред. О.И. Тиунов. М., 2015.

¹² Отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М., 2015.

проектированию законопроектной и правоприменительной деятельности. Результаты этих трудов нашли отражение в аналитических докладах Совета Федерации и Государственной Думы, посвященных развитию российского законодательства, а также в проекте федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», разработанном Институтом в инициативном порядке.

Другие юридические научные центры страны также регулярно публикуют не менее интересные работы. Например, в Институте государства и права Российской академии наук многие годы ведутся исследования информационного права, в Российском государственном университете правосудия реализован крупный проект по систематизации биографий и сведений о научных достижениях всех крупнейших российских ученых-юристов, начиная с дореволюционного периода по настоящее время. Это масштабная работа большого коллектива исследователей, чрезвычайно важная для сохранения преемственности и саморазвития в науке, и аналогов этой работе в нашей стране не было.

— Из 439 действующих академиков РАН лишь трое представляют правовую науку (членов-корреспондентов немногим больше). Чем объясняется столь малое представительство правоведов в Академии?

— Думаю, здесь играет роль целый комплекс причин, среди которых наиболее значимой является настроенное отношение российского общества к праву, к правовым инструментам. На это указывал еще в XIX в. великий русский цивилист Г.Ф. Шершеневич: «Русское общество относится с полным доверием и интересом к естественным наукам, юриспруденция же вызывает в русском человеке, не приученном к широкой общественной деятельности, скорее сомнение и даже иронию, нежели симпатию. В его представлении она является сухой, суровой, формальной и лишенной той душевности, которая так свойственна русской натуре»¹³. После Октябрьской революции ситуация усугубилась: в период строительства социализма и затем при переходе к коммунизму, т.е. на протяжении почти 20 лет, в обществе господствовали идеи отрицания права. И лишь принятие в 1936 г. Конституции СССР, а затем и состоявшееся в июле 1938 г. Всесо-

юзное совещание по вопросам науки советского права и государства вернули праву роль одного из важнейших регуляторов общественных отношений. Тем не менее в нашей стране, в отличие от стран, например, Западной Европы, вера в право, во всемогущество писаного закона и поддерживающих его институтов так и не стала, говоря словами В.Д. Зорькина, «эффективной светской религией». И сегодня многим российским гражданам присущ правовой нигилизм или как минимум правовой инфантилизм.

Другая группа причин связана с историей создания и развития Российской академии наук, что обусловило ее особый статус, существенно отличающий ее от всех родственных зарубежных организаций, и отраслевой состав ее членов. Дело в том, что с момента издания Петром I 28 января 1724 г. Указа «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Арнсбуга»¹⁴ и по сей день одной из важнейших задач Академии является обеспечение научно-технического обслуживания государства. Наиболее четко эта задача была сформулирована в Уставе Академии от 25.07.1803, согласно которому «к обязанностям, общим ей с другими Академиями, присоединяется должность непосредственно обращать труды свои в пользу России, распространяя познания естественных произведений Империи, изыскивая средства к умножению таких, кои составляют предмет народной промышленности и торговли, к усовершенствованию фабрик, мануфактур, ремесел и художеств, сих источников богатства и силы Государств»¹⁵. Соответственно, были определены и науки, усовершенствованием которых Академия должна заниматься: «...вышняя Математика и Физикоматематика, Механика твердых и жидких тел, Астрономия, Химия, Минералогия, Ботаника, Зоология, Анатомия и Физиология, и Технология; сверх того История, статистика и Экономия Политическая»¹⁶.

В уставах Академии наук СССР и Российской академии наук жестких предписаний, какие науки следует изучать, а какие — нет, уже не было, однако эпоха ин-

¹³ Шершеневич Г.Ф. О чувстве законности: публичная лекция, читанная 10 марта 1897 г. Казань, 1897.

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. VII. Ст. 4443. СПб., 1830. С. 220–224.

¹⁵ § 2 Устава Академии наук от 25.07.1803 // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XXVII. Ст. 4443. СПб., 1830. С. 787.

¹⁶ § 3 Устава Академии наук от 25.07.1803 // Там же.

дустриализации, а затем и научно-техническая революция наложили свой отпечаток на состав Академии, обусловив преобладание в нем представителей естественных наук.

Лишь на рубеже XX и XXI вв. необходимость построения в нашей стране правового государства стала осознаваться и властными структурами, и всем обществом.

Сейчас заметно меняется восприятие роли и места права и правовых регуляторов в жизни общества, повышается интерес к правовым исследованиям. Поэтому хотелось бы ожидать увеличения представительства правоведов в Российской академии наук.

— Что лично для Вас означает быть академиком, к тому же одной из немногочисленных женщин — действующих академиком?

— Среди действительных членов объединенной Академии (в ее состав вошли Российская академия медицинских наук и Российская академия сельскохозяйственных наук) сейчас 30 женщин. Это около 6,5% от общего числа действительных членов РАН. До объединения академий их было только 9. Однако я считаю, что гендерный принцип не может быть определяющим в науке. Единственным критерием оценки того или иного ученого должен быть только его вклад в развитие науки.

Для того чтобы заниматься наукой, необходимо любить не себя в науке, а науку в себе. Быть академиком — значит ясно представлять новые горизонты познания для себя и для своих единомышленников, помнить о глубоких научных традициях и стремиться в будущее.

— Как Вы стимулируете приток научных кадров? Как сделать так, чтобы заниматься наукой в России было престижно?

— Быть ученым, заниматься наукой — это прежде всего призвание, но, бесспорно, еще и особый социальный и профессиональный статус, к которому в России всегда было уважительное отношение.

Другое дело, что далеко не все могут себе позволить заниматься наукой только по зову души. Ученый дол-

жен быть материально защищен, быть в состоянии обеспечить свою семью — так, чтобы заботы о хлебе насущном не отвлекали его от выполнения важной социальной миссии развития науки, возложенной на него государством и обществом.

Сейчас в Институте работают множество молодых ученых, которые активно перенимают опыт мэтров отечественной юриспруденции и прокладывают свои пути в мире науки. Для привлечения молодежи мы предоставляем им ряд преференций, в том числе у нас создан фонд материальной поддержки молодых ученых, которые проявили себя научными достижениями.

Однако необходима и систематическая поддержка ученых со стороны государства.

В юридическом сообществе уже звучали идеи о том, что преподаватель, ученый должен по своему социальному статусу и материальному обеспечению приравниваться к государственному служащему. Полагаю, что к обсуждению этой темы можно было бы вернуться.

— Институт в свое время занимался разработкой так называемого Закона о законах, который так и не был принят, хотя концептуально был готов для рассмотрения в Государственной Думе. Какова судьба этого законопроекта и что препятствует его принятию? Будет ли Институт предпринимать усилия для того, чтобы он был принят?

— Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», идею которого Институт продвигает на протяжении уже около 30 лет, имеет довольно сложную судьбу. Главная цель этого закона — достижение единства и непротиворечивости законотворческого процесса, выстраивание нормативных правовых актов в целостную систему, обеспечение их иерархии и согласованности, повышение юридико-технического качества принимаемых законов. Первое предложение подготовить такой закон Институт выдвинул еще в конце 1980-х гг., а в 1992 г. им был разработан соответствующий законопроект, который так и не получил своего реального воплощения. Также были отложены в долгий ящик проекты, подготовленные Институтом в 2000, 2006 и в 2012 гг., причем последний готовился для Министерства юстиции РФ. Но эта идея все же пробивает себе дорогу:

подобные законы были приняты во многих субъектах Российской Федерации (например, в Республиках Алтай, Башкортостан, Дагестан, Ленинградской, Тверской и Воронежской областях). Существуют они и в ряде зарубежных стран (Болгария, Венгрия, Китай, Япония и др.), в том числе во многих странах СНГ, в которых такие законы разрабатывались с учетом опыта нашего Института по разработке концепции закона о законах (в пример могу привести Туркменистан, Казахстан, Беларусь, Узбекистан, Армению, Таджикистан, Кыргызстан).

Министерством юстиции РФ в конце 2014 г., в том числе на основе разработок Института, был подготовлен и размещен для публичного ознакомления проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». Законопроект направлен на комплексное регулирование вопросов законодательской деятельности в России. Вместе с тем он включает ряд дискуссионных положений, которые стали предметом обсуждения на круглом столе, проведенном Институтом 26 января 2015 г.

Думаю, что Государственная Дума нового созыва могла бы вернуться к обсуждению идеи закона о законах. Разумеется, Институт продолжит предпринимать усилия в продвижении этой концепции.

— С одной стороны, ИЗиСП — институт, относящийся к Правительству РФ. С другой — он ведет свою богатейшую историю еще со времен Всесоюзного института юридических наук (ВИЮН) и является крупнейшим научным правовым центром. Сложно ли, находясь в лоне правительственной организации, поддерживать репутацию независимого научного учреждения? Есть ли доверие к Институту со стороны иностранных организаций?

— Статус Института позволяет ученым участвовать в подготовке законов и иных актов, расширять спектр исследуемых фундаментальных и реальных прикладных научных проблем. И еще он позволяет сократить разрыв между формулированием идеи и ее практическим воплощением. Это среди прочего достигается за счет возможности Института инициировать разработку научных концепций развития законодательства, изучение тенденций развития права в современном мире и подготовку циклов трудов по сравнительной ком-

паративистике, анализировать способы повышения эффективности функционирования государства и его институтов. В результате обогащаются традиционные научные школы цивилистики, уголовного права, административного и других отраслей права и стремительно развиваются новые научные школы публичного права, научных основ правотворчества и правоприменения.

Показателем доверия к Институту и его ученым являются, например, международные проекты с их участием. Наши сотрудники входят в состав научных советов Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии), Международной антикоррупционной академии, Фонда континентального права при Министерстве юстиции Франции, участвуют в международных и зарубежных профессиональных объединениях и конференциях, проводимых академическими и образовательными учреждениями разных стран (США, Германии, Польши, Франции, Швейцарии, Ирана, Китая, Румынии, Армении, Беларуси, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и др.).

Совместно с Венецианской комиссией и Международной антикоррупционной академией Институт организует ежегодные научные конференции и симпозиумы. Издаются научные труды, получающие поддержку международных институтов¹⁷. Я уже говорила о том, что работы Института переводятся на иностранные языки и издаются за рубежом.

Часто именно Институт выступает проводником российских научных идей в международных центрах. Только что в Швейцарском институте сравнительного права вышел сборник (*“Comparing Comparative Law”*) с моей в соавторстве с Ю.А. Тихомировым статьей «Компаративистика: опыт современной России». Разумеется, этими примерами весь научно-репутационный капитал Института не исчерпывается.

— Какие главные направления в деятельности Института на сегодня Вы могли бы выделить?

¹⁷ См., напр.: 1-й Глобальный доклад по децентрализации и местной демократии (*Decentralization and local democracy in the world: first global report by United Cities and Local Governments, 2008*); Венецианская комиссия: О конституциях, конституционных поправках и конституционном правосудии: сб. аналитических материалов Венецианской комиссии Совета Европы / под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2016.

— В настоящее время Институт в соответствии со своим уставом осуществляет деятельность по трем основным направлениям: научно-исследовательскому, экспертно-аналитическому и образовательному.

В части первого направления надо сказать, что в соответствии с государственным заданием и планом научных исследований Институт проводит фундаментальные и прикладные исследования права и государства, ряд из которых я уже упоминала.

Часть работы направлена на познание прикладных проблем публичного права и частного права, включая проблемы трансформации государств и государственных институтов, повышения их эффективности, вопросы совершенствования правосудия, развития и совершенствования отраслей национального законодательства.

С 2011 г. в рамках реализации функции Междисциплинарного центра по координации научного и учебно-методического обеспечения противодействия коррупции в Российской Федерации Институт проводит междисциплинарные исследования проблем противодействия коррупции, привлекая к работе не только юристов, но и экономистов, социологов, психологов и др. Они определили многие доктринальные основы новейших изменений российского антикоррупционного законодательства и правоприменительной практики.

Отраслевые компаративистские исследования позволяют выявлять существующие модели правового регулирования, прорабатывать теоретические проблемы отраслей права и также решать практические задачи совершенствования отечественного законодательства.

Кстати, широкую известность в юридическом сообществе приобрели наши сравнительно-правовые исследования конституционного права, позволившие подойти к созданию общей теории конституции, выявить тенденции современного конституционного развития и определить основные модели конституций. Эта работа была построена на монографических исследованиях по теории конституции и конституционных реформ в современном мире, а также на девятитомном собрании переводов конституций всех государств Европы, Америки и Азии, изданных Институтом с комментариями видных российских и зарубежных ученых.

В целом научные достижения Института во многом связаны с его постоянным участием в правотворческой и правоприменительной практике. И здесь уже речь идет о втором направлении нашей деятельности — экспертно-аналитическом. Как центр научного обеспечения законотворческой деятельности Правительства, Президента и Федерального Собрания, ИЗиСП разрабатывает научные концепции, проектирует развитие законодательства, дает научные обоснования и оценки законопроектов, анализирует практику применения законодательства Российской Федерации. Ежегодно в Институт поступает более 3 тыс. обращений и запросов Президента и Правительства, федеральных министерств и ведомств, Конституционного и Верховного судов РФ, по которым готовятся научные заключения.

Наконец, образовательная деятельность Института характеризуется прежде всего тем, что в нем действует одна из старейших в России аспирантур — практически по всем юридическим специальностям. Еще в 1939 г. Институту было предоставлено право принимать к защите кандидатские и докторские диссертации. За это время в его стенах было защищено более 700 диссертаций, из них — более 200 докторских. Соискателями ученых степеней были известные юристы С.Н. Братусь, В.В. Витрянский, Г.А. Гаджиев, В.А. Дозорцев, В.М. Лебедев, П.В. Крашенинников, А.А. Собчак, В.А. Туманов, О.С. Хохрякова, Е.А. Флейшиц, М.Д. Шаргородский и др.

Руководство аспирантами осуществляют высококвалифицированные специалисты научных отделов Института, имеющие большой авторитет в академических кругах в России и за рубежом. При Институте сформировано четыре диссертационных совета по юридическим наукам, руководителями которых являются крупнейшие в своей отрасли знания ученые.

Кроме того, образовательная деятельность Института реализуется через три магистерские программы — по подготовке юристов для государственных органов и служб, юристов в сфере международного права и корпоративных юристов. Обучение построено на сохранении баланса фундаментальной академической подготовки и практической работы.

Наконец, Институт, само собой, развивает международные связи. Как я уже говорила, мы сотрудничаем с Венецианской комиссией, Международной антикоррупционной академией, с образовательными и

научными центрами зарубежных государств. Сейчас укрепляются связи с Международной академией сравнительного права, в состав которой входят трое представителей Института — Ю.А. Тихомиров, А.И. Ковлер и я, Ассоциацией международного права, в состав Исполнительного совета которой входит первый заместитель директора Института А.Я. Капустин (президент Российской ассоциации международного права).

— Можно ли сказать, что в России существуют сильные региональные правовые школы? Способствует ли укреплению их позиций институциональное укрупнение учебных заведений?

— По-настоящему сильные региональные правовые школы, конечно, существуют. Кроме Москвы и Санкт-Петербурга, они развиваются в Казани, Саратове, Екатеринбурге и ряде других центров юридической правовой мысли. Об этом свидетельствуют, например, ежегодно проводимые в нашем Институте крупные научные конференции (Братусевские чтения, Евразийский антикоррупционный форум, Конгресс по сравнительному правоведению, Школа молодых ученых и др.), на которые прибывают для обмена идеями ученые со всей страны.

Давать однозначную оценку укрупнению учебных заведений и его влиянию на укрепление региональных правовых школ еще рано — слишком мало времени прошло с начала этого процесса. Возможно, что для «брендового» вуза, имеющего научные традиции и сложившиеся правовые школы, в этом есть определенные плюсы (скажем возможность укрепить свои позиции в регионе, получить новые ресурсы для развития), но одновременно и некоторые минусы (такое укрупнение может ухудшить некоторые показатели передового вуза). Как представляется, к институциональному укрупнению вузов необходимо подходить очень осторожно, взвешенно и неспешно.

— Как Вы относитесь к нетрадиционным для нашей школы методам научного познания, к примеру экономическому анализу права? Какую роль в современных правовых исследованиях должен играть компаративный анализ?

— Прежде всего, я бы поспорила о традиционности и нетрадиционности для нашей школы методов исследования, включая экономический анализ права. Ведь

на то, что между экономическими условиями жизни и правом существует прямая связь, обращали внимание не только классики марксизма-ленинизма, но и ученые, далекие от марксистской теории. Например, известный историк Древнего Рима Т. Моммзен усматривал связь между экономическим бытом, формами правления и развитием римского права.

Есть такой пример и в отечественной практике: в недалеком прошлом бывший директор Института проф. С.Н. Братусь отмечал существование связи между экономическим базисом и надстройкой, а И.Н. Петров исследовал воздействие изменения законодательства на правоприменительную практику и экономическую эффективность права. Эта тематика остается в фокусе внимания Института, в том числе в рамках специальных подразделений. Так что экономический анализ права — это не изобретение западной школы правовых исследований, наши юристы также внесли вклад в разработку его концепции.

Что касается роли компаративистики, то в условиях глобальной экономики и Интернета без отсылки к зарубежному опыту не обходится ни одно из современных исследований. Вопрос в том, являются ли такие отсылки примерами исключительно сравнительно-правовых, или компаративистских, методов. Здесь хотелось бы вспомнить классическую многотомную работу Г.Ф. Шершеневича по торговому праву, изданную в начале XX в. и переизданную не так давно. В этой работе разделу, посвященному соответствующему институту, предшествует весьма пространственный анализ зарубежного регулирования и правовой доктрины. При этом Шершеневич не претендовал на сравнительно-правовой характер проводимого им исследования.

Сегодня сравнительно-правовой анализ осуществляется в конкретных целях и использует соответствующую им конкретную методологию.

Упоминание в работе о том, что в какой-либо стране есть закон, аналогичный российскому, не относит ее безоговорочно к рангу сравнительно-правового исследования. Сравнительное правоведение — это сложная область специальных знаний, и вопрос о том, является ли оно специальной отраслью права или методом исследования, до сих пор остается дискуссионным.

Наш Институт в течение многих лет использует такие методы исследований, как анализ нормативных правовых актов, изучение социально-экономической информации, а также социологические методы. Метод экономического анализа права изучен и используется в научно-практических работах, особенно в методиках оценки регулирующего воздействия. Разработаны концепции анализа эффективности законов и правового мониторинга, юридических прогнозов и рисков.

Сравнительное правоведение также служит одним из стержней всей деятельности Института. Нами разработаны методики сравнительно-правового анализа в рамках СНГ, ЕАЭС, ведется мониторинг иностранного законодательства. Ежегодно проводятся конгрессы сравнительного права под эгидой Института.

Кстати, 20 октября 2016 г. исполнилось 90 лет со дня рождения В.А. Туманова — бывшего сотрудника Института, известного в науке не только как теоретика права, но и как выдающегося компаративиста, автора ряда блестящих научных трудов по сравнительному праву, экс-председателя Конституционного Суда РФ и экс-судьи ЕСПЧ.

— Как бы Вы охарактеризовали состояние современного законодательного процесса в России?

— Сейчас достаточно острой является проблема качества законов и иных нормативно-правовых актов. Дефекты нормативных актов, снижающие их эффективность, всегда сопровождали законодательство. Но чем больше принимается актов, чем сложнее становится их система, процесс принятия, взаимосвязи национальных и наднациональных регуляторов, тем больше появляется рисков допущения отдельных ошибок в текстах нормативных правовых актов. Мы сталкиваемся с подобными дефектами довольно часто. Погоня за количеством законов может повредить их качеству.

Однако и драматизировать ситуацию не следует. Государство стремится к созданию идеального законодательства, безупречного правоприменения — это правильно. Вот только не надо забывать, что право всегда в чем-то несовершенно и тому есть объективные причины. Например, высокая скорость общественного развития порождает ситуацию, когда законодательство не успевает своевременно урегулировать те или

иные общественные отношения, обеспечить баланс и защиту прав и интересов тех или иных субъектов. Эти ситуации возникают главным образом по объективным причинам, хотя существуют и причины субъективные, такие как поспешность в принятии законов, отсутствие прогнозирования последствий введения их в действие, низкий уровень проработки текста законодательного акта и др.

Как экспертное учреждение, Институт делает все возможное, чтобы устранить любые потенциальные дефекты еще на стадии работы над законопроектом. Но этого недостаточно. Нужно выводить подготовку кадров для правотворческой деятельности на новый уровень. Только в этом случае можно рассчитывать на ощутимое повышение качества принимаемых законов и обеспечивающих их реализацию подзаконных актов.

Вообще, в настоящее время ощущается острый дефицит в квалифицированных кадрах, способных профессионально и эффективно решать правотворческие задачи.

Напомню, Институт взаимодействует по вопросам законотворчества с Правительством, Государственной Думой РФ, Советом Федерации, Администрацией Президента, федеральными и региональными министерствами и другими органами исполнительной власти, высшими судами и надзорными ведомствами Российской Федерации. И мы прекрасно видим, что многие наши партнеры нуждаются в профессиональных кадрах, но удовлетворить эту потребность в полной мере не удается — прежде всего потому, что российские юридические вузы и факультеты не готовят специалистов по правотворчеству целенаправленно. Реализуемые ими образовательные программы ориентированы на подготовку юристов, готовых работать в сфере правоприменения, т.е. быть прокурорами, следователями, адвокатами, судьями и т.п. и решать юридические задачи на основе уже созданных законов. А вот к тому, чтобы самим создавать законы или другие источники права, они оказываются неготовыми. Для этого у них не хватает базовых знаний, умений и навыков правотворческой работы. Но ведь правотворчество — это не ремесло, которому можно научиться самостоятельно, между делом. Это наука и даже искусство, для овладения которым необходимо много и серьезно учиться в формате вузовской основной образовательной программы.

Кроме этого, надо также укреплять связь науки и практики, наращивать научно-методическое обеспечение деятельности правотворческих органов и их аппаратов, развивать механизмы правового мониторинга и имплементации судебных решений в законодательство. Тут необходим целый комплекс мероприятий и длительная последовательная работа.

Со своей стороны скажу, что в целях улучшения ситуации в Институте не так давно начала реализовываться новая образовательная программа «Правовая служба в органах государственной власти».

— В 2013 г. Вы были назначены представителем РФ в Венецианской комиссии. Что для Вас означает участие в работе Комиссии?

— Это означает участие в конструктивном диалоге, обмен опытом с коллегами из более чем 60 стран и общее стремление реализовать принципы верховенства права. В состав Комиссии входят специалисты, получившие международную известность, поэтому общение с ними постоянно обогащает профессиональные знания и навыки. Правовые позиции экспертов Венецианской комиссии учитываются властями заинтересованных государств при подготовке нормативных правовых актов или внесении изменений в свое законодательство. Наконец, и это главное, работа в рамках Комиссии открывает канал для привнесения отечественных правовых образцов в конституционную практику стран мира, например я входила в число докладчиков по новой Конституции Армении, принятой в декабре 2015 г. на референдуме, и по изменениям Основного закона Киргизии 2016 г.

— В этом году Венецианская комиссия подвергла жесткой критике реформу, в соответствии с которой позиции ЕСПЧ могут быть пересмотрены по сути в Конституционном Суде РФ. Ведется ли здесь какой-то диалог?

— Во-первых, «жесткая критика» — слишком сильно сказано, это не в правилах Венецианской комиссии. Ее эксперты в весьма корректной форме высказали свои суждения об известных положениях новой редакции Закона о Конституционном Суде. В этих положениях речь идет не о пересмотре позиций ЕСПЧ Конституционным Судом, а о решении вопроса, будет ли исполнение того или иного постановления междуна-

родного судебного органа противоречить Конституции РФ. Во-вторых, Россия не единственная страна, к которой Венецианская комиссия проявляет внимание такого рода. Например, уже третью сессию подряд будет обсуждаться положение, сложившееся в Польше из-за противостояния Конституционного трибунала и правительства. Вообще, конституционное правосудие — это одна из основных проблематик в деятельности Комиссии. Что касается диалога, то он постоянно ведется в разных формах. Например, Венецианская комиссия с энтузиазмом приняла нашу идею о публикации сборника документов о современных проблемах правосудия, включая конституционное правосудие.

|| Все же Венецианская комиссия — это, можно сказать, клуб уважаемых ученых, а не Совет Безопасности ООН, где представители государств обмениваются жесткими заявлениями. Здесь законы жанра другие.

— В России на фоне новой судебной реформы высказывались мнения о возможном упразднении Конституционного Суда, преобразовании его в Конституционное присутствие при Верховном Суде РФ. Считаете ли Вы возможной такую реформу и поддержали бы ее?

— Я бы не сказала, что вопросы о возможном упразднении Конституционного Суда и преобразовании его в Конституционное присутствие при Верховном Суде РФ являлись предметом серьезной научной или общественной дискуссии. По моим оценкам, серьезных доводов, обосновывавших эту идею, приведено не было. Она не соответствует не только букве Конституции (которую, как известно, можно изменить), но и ее духу как Основного закона правового государства.

|| На мой взгляд, с передачей функций и полномочий Конституционного Суда некоему присутствию в рамках Верховного Суда нельзя согласиться.

Во-первых, с самого момента своего создания Конституционный Суд доказал, что является важнейшим и эффективным звеном в механизме разделения властей на федеральном уровне, обеспечивающим сбалансированное, соответствующее Конституции развитие правовой системы РФ. Это подтверждается влиянием решений Конституционного Суда на развитие законодательства

и практики его применения, их конституционализацию. Не во многих странах в Законе о правительстве есть норма, вменяющая ему в обязанность реализовывать решения Конституционного Суда. Ключевые реформы, развернутые в России в конце XX — начале XXI в. (судебная, административная, муниципальная, реформа федеративных отношений и др.), осуществлялись с учетом правовых позиций Конституционного Суда.

Конституционному Суду, само собой, принадлежит ключевая роль в реализации принципа прямого действия Конституции РФ. Именно он как орган конституционного контроля правомочен признать закон неконституционным, в том числе и по инициативе иных судов.

Во-вторых, нельзя забывать об особой роли Конституционного Суда РФ в процессе гармонизации российского и международного права, обеспечении защиты

российской Конституции в условиях, когда ЕСПЧ допускает расширительное толкование подписанной Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Так что существующий в настоящее время в России механизм конституционного контроля является важным цивилизационным достижением, результатом серьезной и плодотворной государственной и научной деятельности. Между прочим, идеи о необходимости децентрализованного конституционного контроля высказывались еще в конце XIX в. выдающимся российском государствоведом С.А. Муромцевым. С середины 1980-х гг. мысль о специализированном конституционном контроле укоренилась не только в экспертных и научных кругах, но и в обществе в целом. Конституционная юстиция — это органическая часть современной российской государственности.